

РЕЦЕНЗИИ

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Ин-т русского языка РАН, 1991. 193 с.

Современная лингвистика уделяет исключительно большое внимание проблеме метафоры. Метафора рассматривается не как некое образное речевое средство, которое находится на стилистической периферии языка и лишь в случае утраты своей метафоричности проникает в его структуру, формируя переносное значение слова, но как неизбежное явление человеческого мышления и человеческого языка, несущее важнейшую функцию в познании и описании мира. В основе метафоры лежит сравнение, сопоставление. И даже если сравнение и обобщение являются, как это сказал французский писатель А. Монтерлан, "двумя слабостями человеческого ума" [1], то это слабости неустранимые, превращающиеся нередко в силу. А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов вносят в изучение метафоры совершенно новый аспект. Во всех трудах, посвященных этому явлению, сколь бы они ни были глубоки, авторы оперируют отдельными примерами или группами примеров. Рецензируемая книга впервые дает огромный срез использования метафоры (6000 контекстов) в определенном языке, в конкретных пространственных и временных рамках. Временные рамки ограничены этапом перестройки, соотносящимся с Первым съездом народных депутатов (1989—1991 гг.), пространственные — материалами этого съезда и политическими дискуссиями, связанными с его проблематикой. Собранные авторами материалы представляют исключительный интерес как для лингвистического исследования метафоры, так и для изучения менталитета соответствующих ораторов и журналистов, а через них и всего общества в данный период времени.

В "Материалах" язык схвачен в его непосредственной жизни, это как бы съемка языка скрытой камерой. Обнаруживаются не только пути формирования метафор, но и преследуемые их употреблением цели. Порой в работах по метафоре говорится, что метафора "не орудийна". "Материалы" не подтверждают такого вы-

вода: наглядно видно, что она зачастую используется как орудие борьбы с политическим и идейным противником. Положительной чертой книги является "всеядность" авторов: они ничего не отвергают, наряду с простыми метафорами даются и развернутые, охватывающие нередко целый абзац. Рядом с удачными продуманными метафорами читатель может найти и образчики столь характерных для "стилистически неискушенных" ораторов метафорических контаминаций, когда незаметно для самого говорящего один образ сменяется другим. Еще Флобер высмеял подобных ораторов, вложив в уста советника, открывавшего провинциальную земледельческую выставку, ставшую провербальной фразой: "[Наш государь] твердой и вместе с тем мудрой рукой ведет государственную колесницу среди неисчислимых опасностей, коему грозит бушующее море" [2]. (Любопытно, что один из переводчиков романа, не поняв иронии писателя, заменил *колесницу* на *ладью*, см. [3].) Так и у наших некоторых ораторов можно найти примеры забвения внутренней формы метафоризируемых слов: *полнокровный механизм рынка, полнокровные граждане страны, скорострельные решения*. Приводятся в книге и умышленные контаминации, например, *старшина шестой статьи* (о Горбачеве) из *старшина первой (второй) статьи* (во флоте) и *шестая статья* (в Конституции): *стоять насмерть в очереди* из *стоять насмерть* и *стоять в очереди*.

Всякая метафора представляет собой отношение между двумя наименованиями (дескрипторами). Авторы называют их сигнификативным дескриптором (он показывает, какое слово-понятие было использовано для метафорического обозначения) и денотативным дескриптором, который определяет, какая реальность получила данное метафорическое обозначение. Поэтому полный анализ корпуса метафорических номинаций требует двойного исследования: с одной стороны, того, какие слова исполь-

зуются в метафорах для обозначения каких объектов, и, с другой, какие понятия получают метафорические обозначения и каковы они.

Поэтому словарь закономерно разделен на две части. В первой из них "Метафорические модели политической реальности" — приводятся объединенные по семантическим группам слова-метафоры, причем против каждого метафорического употребления указывается, с какой реальностью оно соотносится. Например, метафора *война* прилагается к понятиям: "политическая деятельность, законодательская деятельность, финансовая деятельность, торговля". Метафора *механизм* использована при обозначении экономики и хозяйства, рынка, финансов и биржи, государства и аппарата управления, демократии и гласности, армии, Советов, общества, перестройки, репрессий...

Если первый раздел словаря построен по семасиологическому принципу (от означающего к означаемому), то второй — в ономазиологическом плане (от означаемого к означающему). В этой части, которая называется "Мир политики в зеркале метафор", представлены элементы политической жизни, получающие метафорические обозначения. Основные разделы этой части: "Демократия", "Законодательство", "КГБ", "КПСС", "Политические лидеры", "Россия", "СССР", "Финансы", "Экономика". Материалы этих разделов имеют огромный интерес, поскольку в используемых метафорах отражаются отношения между объектами и отношение говорящих к данному объекту. При этом необходимо учитывать, что многие метафорические обозначения в условиях политической борьбы представляют собой иронию, антифразу, а также носят цитатный характер. Так, например, в отношении Сталина зафиксированы такие метафорические номинации: *антихрист, бес, бог, Вельзевул, отец, старший брат, Ленин сегодня, архитектор, Великий Магистр, гвоздь (на котором все держится), горный орел, знамя, император, капитан, колода (которую надо убрать), конвоир, Главный Волкодав* и др.

В свое время немецкий лингвист Г. Шпербер установил семантический закон, согласно которому предмет, вызывающий в данном коллективе особый интерес, становится центром "метафорной экспансии", т.е. источником аналогий при описании других предметов. И хотя С. Ульман взял этот закон в его категорической формулировке под сомнение, он сказал, что эта теория интересна и заслу-

живает тщательной проверки [4]. Материалы рецензируемой книги подтверждают гипотезу Шпербера. Представленные в книге сферы, откуда черпаются метафорические наименования, можно разделить на несколько категорий. Прежде всего это общие явления жизни человека, его ближайшего окружения, которые образуют постоянный и универсальный источник метафор: человеческий организм, родственные отношения, растения, механизмы. Этот источник не является специфическим для метафорического обозначения политических реальностей. Но два других формируют специфические метафорические модели политической жизни. Прежде всего это модели, связанные с антагонистическими явлениями, поскольку политика в значительной мере — борьба за власть или влияние. К ним относятся семантические группировки "Война", "Игра" и "Спорт". Второй источник — "Театр". С первого взгляда это может показаться неожиданным: какое отношение имеет политика к театру? Но зарубежные социологи отмечают аналогии в этих двух сферах человеческого поведения. Французский автор Р.-Ж. Шварценберг в книге "Государство — спектакль" [5] показывает, что современная политическая жизнь включает три элемента: актеров, публику и само зрелище. Ж. Маторе в своей книге "Человеческое пространство" [6] отмечают, что в современном французском политическом языке большое распространение приобрели метафоры пространственного характера (*среда, поворотный круг, перекресток, уровень* и т.п.), обозначающие место встречи, обсуждения и т.д. Авторы рецензируемой книги подчеркивают, что в нынешнем языке российских политиков и журналистов огромное место занимают антагонистические источники метафор, прежде всего военного характера. Они видят в этом наследие и продолжение военного менталитета, который был свойствен советскому обществу.

Помимо основных двух частей словаря книга содержит другой очень интересный материал. Это введение "Как устроен словарь", которое выходит за рамки формального руководства к пользованию словарем и содержит ряд интересных соображений, касающихся политической метафоры. Эти соображения углубляются во вводной статье "Политическая метафора как объект лингвистического исследования", где показывается общая роль метафор в политической жизни общества, отмечаются важнейшие семантические миры метафор перестройки ("строительство",

"средство передвижения", "путь" и др.). В целом, на основании анализа метафор авторы заключают, что в сознании (или подсознании) людей перестройка предстает как некий недифференцированный неподъемный объект, который надо постоянно толкать и двигать вперед, как стихийная сила, непосложная человеку и социуму. Особенно подробно они останавливаются на концептуальном милитаризме, высвечивающемся из метафор.

В конце книги приложен очень полезный справочный материал. Во-первых, это список авторов примеров (надо сказать, что примеры даются в виде цитат-высказываний). Далее, поскольку эта публикация рассматривается лишь как материалы к словарю "Русская политическая метафора", а не словарь в целом, в приложении приводится полный список словарных статей готовящегося издания. Он имеет существенное значение. Так, при чтении книги постоянно встречаются в примерах метафоры, связанные с понятием "Дом" [*фундамент, здание, несущие конструкции* (с. 91), *дом* (с. 131), *коммунальная квартира* (с. 132), *комната* (с. 133), *угол* (с. 144), *забор* (с. 132) и др.]. Возникает вопрос, почему эти метафоры не выделены в особую модель, тем более, что строительство и жилище представляют собой частые источники метафор в различных языках. Из приложения мы узнаем, что подобная модель предусмотрена в полном варианте словаря. И наконец, в приложении дан общий алфавитный список таксонов словаря, который, соответственно корпусу словаря, делится на две части: сигнификативные и денотативные таксоны. Поскольку в корпусе словаря и те и другие группируются по смыслу, то алфавитный список их совершенно необходим для удобства пользования словарем.

Книга завершается содержательной статьей А.Н. Баранова "Очерк когнитивной теории метафоры", которая более углубленно и широко раскрывает основную идею метафоры, изложенную во вводной статье. Особый интерес представляет заключительная часть этой статьи, трактующая о прагматическом аспекте использования метафор.

Поскольку рецензируемая книга представляет собой "Материалы" к словарю, а не полностью завершенную книгу, мы считаем возможным высказать некоторые замечания и рекомендации, касающиеся отбора, распределения и интерпретации примеров.

Общезвестно, что метафора стирается.

Об этом образно сказал еще Лоренс Стерн: "Наивысшее расширение смысла, допускаемое отдельным словом, есть смелая метафора, -- но, по-моему, понятие, которое с нею связано, при этом обыкновенно теряет больше, чем выигрывает; -- однако, так или иначе, -- если ум наш эту операцию проделал, дело кончено: ум и понятие пребывают в покое, -- пока не появится новое понятие и так далее" [7, с. 343]. Стершиеся, "умершие" метафоры не побуждают ум человека трудиться, они употребляются формально, как готовые элементы речи, подчас экспрессивно окрашенные, но никак не отражающие менталитет говорящих. Поэтому вряд ли правильно их включать в общий корпус с живыми речевыми метафорами, сохраняющими полноту своей внутренней формы. По крайней мере, их следовало бы отметить особо. Между тем в "Материалах" можно обнаружить немало таких устойчивых выражений. Вряд ли рубить сплеча (с. 23), принять в штыки (с. 24) отражают "концептуальный милитаризм" говорящих: это просто расхожие выражения, имеющие в системе языка свое вполне "мирное" значение: "действовать необдуманно", "встретить враждебно". Обойма (с. 36) в переносном значении указывает на набор, ряд кого-чего-л.: *обойма аргументов; выпад* (с. 80); *скрестить шпаги* (с. 27) в переносном значении уже вышли из сферы спорта. Сюда же можно отнести слова команда (не обязательно спортивный термин: согласно словарной дефиниции это "группа лиц, выполняющая определенное задание", хотя в некоторых контекстах, когда речь идет об игре или о капитане, метафора несомненно относится к спорту), армия чиновников (в современном языке армия в этом значении утрачивает непосредственную связь с военной сферой, обозначая большое количество людей, объединенных каким-либо общим делом), маневр (тоже не обязательно военный термин: согласно словарям, обозначает ловкий прием).

Может быть, стоило как-то выделить особо метафоры-цитаты, столь многочисленные в современной публицистике. Например: *горный орел* (из Сталина), *Ленин сегодня* (из Барбюса), *близнецы-братья* (из Маяковского) и т.п.

Очень непросто отнести данную метафору к той или иной сфере деятельности. Нередко метафоры представляют собой словосочетания, и по каждому из компонентов их можно отнести в разные тематические группы. Например, *играть роль*

атлантов и кариатид (с. 84) обоснованно включается в раздел "Театр", поскольку *играть роль* здесь не стершееся выражение со значением "выполнять функцию", но именно обозначение театрального действия, что подтверждается контекстом. Но вместе с тем *кариатиды* и *атланты* в этом контексте несут самостоятельную метафорическую функцию, уподобляя "игроков" бессловесной опоре покачнувшегося режима, поэтому данный пример следует учесть и в разделе "Строение". В других случаях вне более широкого контекста или ситуации можно колебаться относительно тематической принадлежности метафоры. На с. 25 говорится о *колбасной "интервенции"*, причем метафора помещается в разряд "военных". Между тем слово *интервенция* в современном языке имеет и другой, вполне мирный смысл: участие банков в валютных и иных операциях (например, в русской экономической лексике: *государственная интервенция на валютном рынке, согласованные интервенции банков* и т.п.). Приводимый контекст позволяет предположить, что речь идет о метафоризации именно этого финансового значения слова «Наши кредиторы вполне разумно опасаются, что валютная помощь может быть самым банальным образом проедена. И если мы можем рассчитывать на *колбасную "интервенцию"*...». По-видимому, что здесь *колбасная "интервенция"* сопоставляется с валютной интервенцией, а не с военной.

В отдельных случаях можно отметить лакуны: представленные в примерах метафоры не учтены в соответствующих семантических разделах. Например, *Горбачев использовал тайм-аут...* (с. 54) можно было бы включить в раздел "Спорт". Многие рассыпанные по цитатам метафорические употребления слов, относящиеся к человеческому организму и болезням, не учтены в соответствующем разделе: *бельмо КПСС* (с. 99), *климакс* (с. 105), *забеременеть демократией* (с. 123), *отслоение партийной кожи* (с. 99); по аналогии с *отслоением сетчатки*; *обескровленный советский рубль* (с. 149) и др.

Но самый важный и интересный вопрос, связанный с анализом такого рода словаря, касается самой структуры метафоры. В предисловии метафора интерпретируется как феномен, образуемый в результате взаимодействия двух смысловых комплексов, которые авторы называют сигнификативным и денотативным дескрипторами. Соответственно и организуется и интерпретируется материал словаря. Но сам материал показывает, что метафора несво-

дима к такому двучленному отношению. Метафоризация есть способ наименования. Однако всякая речевая номинация (а живая метафора таковой и является) основывается на выделении у объекта признака на базе которого осуществляется его наименование и который создает его внутреннюю форму. Поэтому наряду с двумя конечными элементами метафоризации (двумя дескрипторами) полный анализ метафоры предполагает выделение третьего "внутреннего" компонента: внутренней формы метафорического наименования. Некоторые лингвисты выделяют и четвертый компонент: признак предмета, название которого используется в качестве метафоры. Совпадение выделяемых признаков у двух объектов и позволяет использовать название одного из них для наименования другого. Подобное понимание метафоры представлено по сути дела у Блэка и других авторов, отражено оно в известной степени и в заключительной статье рецензируемой книги о когнитивной теории метафоры, хотя и не реализовано в самом словаре. При метафоризации слово употребляется для обозначения нового объекта лишь по одному из его признаков, сужая таким образом свой семантический объем. Быть может, именно это явление имел в виду проинитиальный Стерн, когда говорил, что понятие, связанное с метафорой, обычно больше теряет, чем выигрывает (см. [7]).

Учитывая природу метафоры, составители словаря значительно обогатили и упорядочили бы свой труд, если бы наряду с двумя элементами — денотатом и сигнификатом — ввели еще и указание на внутреннюю форму наименования, на признак, положенный в основу метафорической номинации. Разумеется, это сделать не просто. Метафора, как совершенно правильно указывается в завершающей статье, усиливает недискретность обозначения, так что она в ряде случаев плохо поддается дискретной интерпретации. С другой стороны, очень часто мы имеем дело с метафорически используемым словосочетанием, которое актуализирует ряд признаков метафорически обозначаемого объекта. Но несмотря на подобные объективные трудности, стоило бы предпринять попытку в этом направлении: это один из видов "слотирования" затрагиваемых фреймов. Это значительно повысило бы объяснительную силу собранного материала. Например, на с. 45 отмечается, что игра в домино привлечена для метафорического обозначения неконституционных действий. Но связь между этими поня-

тиями остается неясной. Между тем эта метафора восходит, по-видимому, к выражению *эффект домино*, обозначающему автоматическое падение одного элемента вслед за другим, как это имеет место с поставленными на ребро костяшками домино. Метафора *неконституционное домино* имеет в данном случае значение "следование одного неконституционного акта за другим". Можно было бы отметить в словаре внутреннюю форму (признак, по которому дается наименование) особым знаком, например: *игра в домино* — (падение одной косточки домино за другой) — (следование одного нежелательного явления за другим) — антиконституционные действия. При таком подходе можно было бы четче показать асимметрию метафор, при которой слова одного семантического поля используются для метафорического обозначения разных денотатов, а одни и те же денотаты могут получать метафорические обозначения с использованием слов разных семантических полей. Например, наименования разных игр часто используются с политических метафорах, но рулетка обозначает "случайность", карты и наперсток "обман и жульничество", кроссворд — "замысловатость". В статье "Игра в карты" (с. 45) указывается, что эта игра используется для обозначения политической деятельности, торговли, финансовой деятельности. Но не менее важно для семантического анализа этой группы метафор было бы отметить, что операции этой игры используются для метафорического обозначения риска (*ставит на карту*), жульничества (*передергивать, подтасовывать карты*), спекуляции на чем-л. (*разыгрывать карту*), начало процесса (*карты сданы, первый кон сыгран*). Все эти выражения приводятся в статье, хотя и без такого уточнения. При подобном подходе обнажились бы и случаи многозначности метафорических обозначений. Так, на с. 70 приводится сочетание *крестный отец*, метафорически указывающее на генсека партии. Но это сочетание имеет в русском языке ряд переносных значений: "духовный наставник", "лицо, давшее имя или назначившее на должность", и, наконец, под влиянием современного фильма, — "глава организации, мафии: пахан". Введение в словарь указаний на внутреннюю форму метафорического обозначения показало бы, в каком из этих значений следует понимать данное словосочетание.

Мы говорили о проблеме "промежуточного звена" в семасиологическом аспекте, но ее следует принимать во внимание

и в ономазиологическом плане, рассматривая мир политики в зеркале метафор. Мы здесь также обнаруживаем многоаспектность понятия и синонимию обозначений. Например, *демократия* представлена множеством сигнификативных дескрипторов. Но они характеризуют ее с разных сторон, как мечту (*звезда пленительного счастья*), труднодостижимую цель (*берег, до которого надо доплыть*), нечто показное (*маска демократии*), неопределенность (*открытый океан демократии*) и т.п. Равным образом, и *правительство* метафорически квалифицируется как главный руководящий орган, но и как объект нападков, как паразит, живущий за счет народа, и т.п. Подобная дешифровка метафор, как бы порой она ни казалась трудной и искусственной, может лишь еще больше подчеркнуть техническую и идеологическую сторону метафоризации. Она покажет и синонимию метафор, подчас весьма неожиданную. Например, перестройка сравнивается с растением и с самолетом (с. 105, 106). Что общего может быть у этих понятий? И тем не менее приводимые метафоры синонимичны, поскольку обе они указывают на неопределенность результатов перестроечного процесса: неизвестно, где приземлится летящий самолет, неизвестно, какие плоды будут от данного дерева.

В заключительной статье к книге правильно отмечается, что благодаря метафоре неизвестное становится известным, а известное — совершенно новым (с. 185). Быть может, именно в силу этого исследование метафор представляет такой интерес для лингвистов. Рецензируемая книга дает огромный материал для лингвистического и социологического осмысления политических метафор современного русского языка. Она явится источником многих научных исследований и несомненно будет вкладом в теоретическое и практическое изучение метафоры, одного из фундаментальных явлений языка и мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Montherlant. Essais. P., 1963. P. 1141.
2. Флобер Г. Госпожа Бовари. М., 1971. С. 139—140.
3. Флобер Г. Госпожа Бовари. М., 1956. С. 145.
4. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970. С. 276—277.
5. Schwarzenberg R.-G. L'Etat spectacle. P., 1977.
6. Matoré G. L'Espace humain. P., 1962.
7. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М., 1968.

Гак В.Г.